

О.Н. Зюзина, Д.В. Ильина, И.Е. Ким

КАТЕГОРИЯ РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ПОНЯТИЙНО-ЦЕННОСТНЫЙ РЯД «МУЖСКОЕ/ЖЕНСКОЕ»: ОТ ЭТНОСЕМАНТИКИ К НОВОЙ ГЕНДЕРНОЙ СЕМАНТИКЕ

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Обсуждается отношение морфологической категории рода в русском языке к вербально-культурной универсалии «мужское/женское». Показано отношение асимметрии родовой оппозиции к социальным различиям лиц женского и мужского пола. Рассмотрена современная практика выравнивания родовой оппозиции за счет последовательного использования феминитивов и ее роль в изменении соответствующего фрагмента языковой картины мира.

Ключевые слова: род русского существительного; универсалии вербальной культуры «мужское/женское»; феминитив; этносемантика

Термин «этносемантика» применяется в этнолингвистических исследованиях, в частности в «этнографии речи» [1. С. 292]. А. Вежбицкой [2] он был использован для объяснения применения разрабатываемой ею теории семантических примитивов к описанию воспроизводимых феноменов поведения в некоторых этнических культурах. Применим он также и к этнокультурной интерпретации языковых фактов, в частности лексической семантики и культурных концептов [3], а также грамматических категорий.

Одним из феноменов русской этносемантики, имеющим параллели и в грамматике других языков, является асимметрия в функционировании слов мужского и женского родов, обозначающих лиц. Опирается этот феномен на морфологическую категорию рода, в которой отражены половые различия лиц и животных.

В 1900 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ писал, что наличие категории рода в индоевропейских языках (он их называет ариоевропейскими) говорит о «сексуализации всего мира субстанционального» [4. С. 10], которая приводит к тому, что «человеку, говорящему на одном из ариоевропейских языков, род напоминает о себе непрерывно и беспрестанно, наяву и во сне... Мозг проникается сексуальностью и уже со своей стороны содействует этому после голода самому могущественному рычагу человеческих действий» [4. С. 9–10]. Таким образом, по мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, закрепление в морфологической категории рода делает различие мужского и женского в сознании носителей индоевропейских языков постоянно воспроизводимым и чрезвычайно устойчивым.

Нас в данном случае волнует в большей мере не сексуальный аспект этого различия, а социальный, связанный с понятием гендера, т.е. полоролевая составляющая отношений полов, фиксирующая социальное равноправие/неравноправие женщин и мужчин, различие набора их социальных функций, типических черт характера и мышления и т.п.

Мужское/женское как понятийно-ценностный ряд в семиотике культуры

Мужское/женское (с потенциальным промежуточным или не охарактеризованным членом) образу-

ет понятийно-ценностный ряд в вербальных культурах мира.

Понятие понятийно-ценностного ряда было введено для описания феноменов вербальных культур в рамках большого исследования в ИФЛ СО РАН, посвященного универсалиям вербальных культур Сибири и Дальнего Востока. К таким рядам относятся пары или более длинные последовательности понятий и (или) ценностей культуры, претендующих на универсальность или чрезвычайно широкое распространение: сопричастность/чуждость; хорошее/плохое; сакральное/профанное; добро/зло и т.п. Понятийно-ценностные ряды составляют содержательную сторону мира универсалий, в то время как материальная составляющая культуры может быть представлена культурными кодами в понимании С.М. и Н.И. Толстых [5–7], которые делятся по большим классам реалий: пространственный, темпоральный, социальный, вербальный, акциональный и другие коды [8]. Более точно следует говорить о тематических областях, связанных, с одной стороны, с практикой обрядового фольклора и, соответственно, с планом реального исполнения фольклорных произведений (прагматика обрядового фольклора), а с другой стороны, с номинативными классами слов и референтным миром текстов. Таким образом, с термином «культурный код» мы связываем явления действительного мира прагматической ситуации и реалии референтного мира языка и текста. Комбинация культурных кодов и понятийно-ценностных рядов позволяет выделять более конкретные общекультурные и этноспецифичные конструкты – концепты, мотивы, мифологемы, обладающие планом содержания – отношением к понятийно-ценностному ряду/рядам – и планом выражения – отношением к культурному коду/кодам [8. С. 16].

Различие мужского и женского начал претендует на статус культурной универсалии, имеющей глубокую биологическую основу. Так, в природе и среди домашних животных распространен половой диморфизм, см., например, [9, 10], присущ он и *Homo sapiens* [11]. Более того, на объективные биологические различия в традиционных и цивилизационных культурах нанизано большое количество культурных различий, от длины волос и покроя одежды до манеры

исполнения действий и речевого поведения. Объективные и социально-ролевые различия полов отразились в виде морфологической категории некоторых древних языков, сохранившейся в их современных потомках (ср. категорию рода в индоевропейском праязыке и в современных русском, французском, немецком и других современных индоевропейских языках). Во многих других вербальных культурах различие мужского и женского проявляется не на морфологическом уровне, а реализуется как скрытая категория, «растворенная» в лексической и синтаксической сочетаемости, в отборе лексики, в функционировании других грамматических категорий, см., например, [12, 13]. Все это дает некоторым исследователям возможность заявлять об универсальности, архетипичности этой оппозиции (ср. архетипы анима и анимус в психологии бессознательного К.-Г. Юнга) [14]. Сравним также и современные исследования, например, работу [15], в которой на примере английской фразеологии и паремииологии демонстрируется сформировавшееся в Средние века представление о порочности женщины, связи представления о женщине с телесным началом. Совсем не обязательна связь оппозиции мужского и женского с последовательным противопоставлением хорошего и плохого, духовного и материально-телесного. Так, различие Инь (женского начала) и Ян (мужского начала) в традиционной китайской культуре не носит антагонистического характера, а представляет две силы, между которыми должен быть установлен баланс в космосе, обществе и внутреннем мире человека [16].

А.Ф. Бусыгина описывает универсальную природу и взаимопроникновение начал Инь и Ян: «Согласно космогоническим представлениям, в основе всего сущего находится недифференцированное Единое (эта категория также может именоваться Беспредельное, Хаос, Единое Ци и др.). Однажды в Едином проявляются противоположные по характеру силы, а затем они разделяются. Эти полярности именуют силами инь и ян. Разделившись, инь и ян взаимодействуют, переходя друг в друга. Сила ян достигает своего предела и превращается в инь, а инь – в ян» [17. С. 85].

В европейской и русской культуре, которая опирается на индоевропейскую категорию рода и связана с доминированием в истории многих народов мужского начала (ср. понятие патриархата), идеи асимметрии мужского и женского реализуются в самых разных пластах культуры и в разных ее проявлениях [18, 19]. Несомненно, гендерная проблематика в исследованиях культуры актуализируется феминистскими движениями и претерпевает изменения в оценках и интерпретации культурных феноменов разной природы в работах в рамках феминистской идеологии.

Морфологическая категория рода в русском языке и ее отношение к понятийно-ценностным рядам

Морфологическая семантика, равно как и устройство морфологических категорий, очень удобна для соотнесения с понятийно-ценностными рядами и прежде всего с бинарными ценностными оппозиция-

ми, поскольку в морфологии в качестве единицы фигурирует не атомарное явление, а ряд – оппозиция или более сложно устроенное неопозитивное различие.

Особенностью русского языка, как и многих других, имеющих морфологическую категорию рода, в частности французского и немецкого, является асимметрия категории рода при обозначении лиц.

Суть асимметрии заключается в формировании бинарной привативной оппозиции мужского/женского рода. При симметричном выражении и, соответственно, эквиополентной оппозиции слова мужского рода должны обозначать лиц мужского пола, а слова женского рода – лиц женского пола. Однако у существительных, обозначающих лиц, слова женского рода действительно в общем случае обозначают лиц женского пола, а «формой мужского рода подчёркивается не столько идея пола, сколько общее представление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека» [20. С. 57]. В связи с этим имена существительные, являющиеся названиями лиц, особенно характеризующими их по должности, профессии, часто «сохраняют форму мужского рода и в тех случаях, когда соответствующие обозначения применяются к женщинам» [20. С. 60]. Таким образом, в существительных, обозначающих женщин, идея пола выражается более отчетливо. Следовательно, в современном русском языке существует бинарная привативная оппозиция, в которой маркированным членом, характеризующимся положительным признаком (женский пол), является именно женский род, а мужской род оказывается немаркированным, т.е. не характеризующимся положительным признаком.

Языковая асимметрия, связанная с родом имён существительных, обозначающих лиц, имеет социальную природу. До XIX в. мужчины существенно преобладали во многих профессиональных кругах и для их обозначения использовались слова исключительно мужского рода (например, *врач, профессор*). Со временем экстралингвистическая ситуация изменилась: женщины всё больше проникали в различные сферы профессиональной деятельности, стали выполнять более разнообразные социальные роли, чему в том числе способствовали Первая мировая и особенно Вторая мировая войны. Однако языковая система, как можно заметить, на произошедшие экстралингвистические перемены должным образом не отреагировала.

Рассматриваемая асимметрия, свойственная, как отмечают многие исследователи, не только русскому языку, получила в гендерной лингвистике название «андроцентризм». «**Андроцентризм** – глубинная культурная традиция, сводящая общечеловеческую субъективность (общечеловеческие субъективности) к единой мужской норме, репрезентируемой как универсальная объективность, в то время как иные субъективности, и прежде всего женская, репрезентируются как собственно субъективности, как отклонение от нормы, как маргиналия. Таким образом, андроцентризм – это не просто взгляд на мир с мужской точки зрения, а выдача мужских нормативных представлений и жизненных моделей за единые универсальные социальные нормы и жизненные модели» [22]. Дру-

гими словами, язык с андроцентризмом «фиксирует картину мира с мужской точки зрения и от лица мужского субъекта, где женское обычно нивелируется и уничижается» [22. С. 67].

Однако есть еще один аспект родовой асимметрии в обозначении лиц. Это наличие у существительных со значением лица, помимо гендерной семантики, еще и общей семантики лица, условно представленной формулой 'лицо вне половых различий'. Для языков с морфологической категорией рода обозначение лица вне половых различий оказывается важным, поскольку родовая семантика встроена в словоизменение существительного: род является классификационной категорией и распределяет существительные по трем классам. Фактическая бинарность категории рода по отношению к существительным со значением лица требует, чтобы «чистая» семантика лица была совмещена с одним из членов оппозиции, которым стал именно мужской род. Устранение асимметрии, какими бы причинами оно ни было вызвано, приведет к потере возможности обозначения лица вне половых различий.

Русский род и феминистская лингвистика

Отметим, что проблема асимметрии категории рода и ее несправедливости рассматривается в рамках именно гендерной лингвистики – направления социолингвистики, сформировавшегося в конце XX в., которое изучает все виды языкового и речевого варьирования, обусловленного полом носителей языка. Важным понятием здесь является **гендер**, который определяется как «социокультурный конструкт, связанный с предписыванием индивиду определённых качеств и норм поведения на основе его биологического пола» [23. С. 32].

Внутри гендерной лингвистики выделяется особое направление – феминистская лингвистика, или феминистская критика языка, зародившееся в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. в США и в Германии, которое «ставит перед собой цель выявить и изменить патриархальную природу языка» [24. С. 173]. Таким образом, представители феминистской лингвистики через язык стремятся изменить мышление общества, опираясь на гипотезу Сепира–Уорфа, которая гласит, что язык является не только средством общения в обществе, но и оказывает существенное влияние на его мышление. Как отмечает В.А. Кривошеина, «любая ущемляемая в правах группа (раса, пол, сексуальная ориентация, класс) подходила к вопросу о своих правах со всех сторон, и в том числе и с лингвистической» [25. С. 150].

Феминистская лингвистика сложилась в рамках **феминизма**. Данный термин имеет два значения. Во-первых, это «теория равенства полов, лежащая в основе движения женщин за освобождение, а также разного рода действия в защиту прав женщин» [21. С. 188], а во-вторых, само это «политическое движение, связанное с борьбой женщин за равноправие» [24. С. 172]. Феминизм как политическое движение делится на три волны:

– конец XIX – начало XX в. – первая волна, характеризующаяся борьбой женщин за получение права

голоса и иных гражданских прав (движение суфражисток);

– начало 60-х – конец 80-х гг. XX в. – вторая волна, определяющаяся более мощным и разносторонним движением;

– начало 90-х гг. XX в. – настоящее время – третья волна феминизма, отмеченная появлением «множества течений феминизма, которые уже не характеризуются единством идей» [26].

В России феминизм отличался от подобного движения в США и странах Европы. Как пишет А.Д. Головина, в России «активистки женского движения боролись за политические права, за право на образование и профессиональную деятельность наравне с мужчинами, а также занимались благотворительной и просветительской деятельностью» [24. С. 172–173].

Исследователи выделяют два способа борьбы с гендерной асимметрией в языке: феминизацию и нейтрализацию. При этом для языков, имеющих грамматическую категорию рода, как русский язык, более характерна феминизация, а языкам, в которых грамматическая категория рода отсутствует, например английскому, более свойственна нейтрализация. Языки без категории рода стремятся к «половому безразличию», устранению фиксации пола в наименованиях. Языки с категорией рода требуют отказа от родовой асимметрии.

В английском языке нейтрализация затрагивает прежде всего морфему *-man* («мужчина» и «человек»), которая заменяется морфемой *-person* или другим полноценным словом или опускается. Рассмотрим некоторые примеры: *businessman* – *businessperson*, *cameraman* – *camera operator*, *policeman* – *police officer*.

Нейтрализация проявляется и в русском языке в употреблении существительных мужского рода, обозначающих лиц, по отношению к женщинам, т.е. для обозначения лица вообще, что было описано нами выше. Но наличие категории рода делает нейтрализацию не вполне эффективной с точки зрения феминизации, поскольку реализуется в мужском компоненте оппозиции.

Итак, главным средством борьбы за гендерное равенство в русском языке в настоящее время является феминизация – внедрение феминитивов. **Феминитивы** (от лат. *femina* – «женщина»; также существуют термины **феминативы**, **феминизмы** и **феминистские неологизмы**) – слова женского рода, обозначающие «лиц женского пола по профессиональной, социальной, религиозной принадлежности» [27], «которые являются альтернативными или парными аналогичным существительным мужского рода» [22. С. 67]. В.В. Беркутова отмечает, что «большую часть феминитивов составляют слова женского рода категорий *nomina agentis* (наименования деятеля) и *nomina attributiva* (наименования носителя признака), но к ним также можно отнести различные термины родства и свойства, обозначения религиозной, национальной, возрастной, социальной принадлежности и др.» [27].

Как пишет В.А. Кривошеина, «проблема использования феминитивов зародилась в 1970-х гг. в США, когда феминистки второй волны добились не только уравнивания в правах с мужчинами, но и превратили феминистскую проблематику в значимый обществен-

ный дискурс» [25. С. 147], а в России она стала актуальной лишь в 1990-х гг. Итак, репертуар социальных ролей, выполняемых женщинами в обществе, расширился, так как они стали заниматься различными видами труда, ранее не входившими в круг их деятельности. В связи с этим возникла необходимость в отдельных наименованиях для них, средством создания которых стала феминизация. Таким образом, как справедливо отмечает Е.Н. Василенко, «феминизация языка представляет собой не только (и, вероятно, не столько) лингвистическое, но и культурное, общественно-экономическое явление» [28. С. 77].

В русском языке, на что обращают внимание В.В. Беркутова, Е.А. Челак и другие исследователи, существует историческая тенденция к образованию феминитивов, что вместе с эксплицитностью категории рода в нём обуславливает особый интерес к изучению данной группы имён существительных. Охарактеризованная выше «тенденция употребления слов мужского рода в “обобщенном” значении – относительно новая и впервые зафиксирована в языке только в середине XIX века» [27], а позже была поддержана большевиками. Действительно, некоторые из феминитивов существуют в русском языке с очень давних времён (например, *княгиня, графиня, царица, императрица, принцесса, баронесса* и др.).

В русском языке феминитивы образуются от имён существительных мужского рода с помощью суффиксов. Продуктивными являются суффиксы *-к-* (*студентка, фигуристка*), *-иц-* (*певица, мастерица*), *-ниц-* (*учительница, воспитательница*), *-щиц-/ищиц-* (*продащица, гонимщица*), *-ин-* (*героиня*). Суффиксы *-ис-* (*актриса, директриса*), *-есс-* (*поэтесса*), *-их-* (*повариха, пловчиха*), *-ш-* (*бухгалтерша*) оказываются менее продуктивными. Также в русском языке издавна существуют феминитивы, не имеющие аналогов в мужском роде (например, *гадалка, сиделка, няня*), так как подобным трудом в прошлом занимались только женщины.

В современном русском языке феминитивы-неологизмы активно используются в интернет-дискурсе, который «является очень открытым и восприимчивым» [29. С. 199] в связи с распространением и развитием этого вида коммуникации, который занимает огромное место в жизни общества. Именно с этим связан всплеск изучения данной группы слов в последние пять-десять лет. Как пишет Н.Д. Стрельникова, «именно сейчас, в связи с демократизацией языка, доминированием разговорной речи вопрос о феминитивах-неологизмах становится всё более актуальным» [30. С. 299]. Существуют многочисленные форумы, сообщества и группы в социальных сетях, посвящённые феминизму и феминитивам. Посты на эту тему в социальных сетях часто вызывают большую дискуссию¹. Однако изучение наименований женщин имеет более длительную традицию. Например, «Толковый словарь названий женщин» Н.П. Колесникова [31] издан в 2002 г.

В.В. Беркутова обращает внимание на «своеобразное стилистическое расщепление» [27] феминитивов: эта группа имён существительных практически не употребляется в официально-деловом стиле, но активно используется в публицистическом, художе-

ственным и разговорном стилях. Исследовательница также отмечает такую особенность феминитивов в русском языке, как их несистемное, непоследовательное образование и употребление. Например, существуют такие официально признанные пары слов мужского и женского рода, как «студент» – «студентка», «дикарь» – «дикарка», но отсутствуют пары «президент» – «президентка», «дирижёр» – «дирижёрка», которые образованы по той же словообразовательной модели [27].

Е.А. Бурдина, которая сделала выборку феминитивов из различных словарей и проанализировала её, отмечает, что слово *истица*, зафиксированное в словарях с пометами, «позволяющими использовать его в официальной речи» [32. С. 75], до сих пор не употребляется в юридическом подстиле языка.

В связи с вышесказанным интересным оказывается факт, на который обращают внимание многие лингвисты, что в некоторых других языках, например в белорусском, немецком, чешском, феминитивы представляют собой регулярное явление: каждое существительное, обозначающее лицо по профессии или роду занятий, «имеет параллельные формы мужского и женского рода» [24. С. 176]. При этом во многих странах рассматриваемый вопрос решается на государственном уровне. Таким образом, можно утверждать, что феминизация в современном мире представляет собой социолингвистический и лингвополитический процесс.

Сложности в преодолении асимметрии мужского и женского рода в современном русском языке

Многие исследователи справедливо отмечают, что активное внедрение феминитивов в русский литературный язык в настоящее время крайне затруднительно. Государственные органы пока не поддерживают идею официального признания данной группы имён существительных. Так, Е.А. Бурдина приводит в пример обращение «Депутата законодательного собрания Ленинградской области Владимира Петрова к министру культуры РФ Владимиру Мединскому с просьбой ввести штрафы за использование неклассических феминитивов в СМИ и на иных коммуникативных площадках» [32. С. 77]. Для непринятия феминитивов в современном российском обществе и отсутствия их в литературном языке есть сразу несколько причин.

Во-первых, многие феминитивы в русском языке носят разговорный или просторечный характер, что вызывает негативное отношение к ним со стороны общества: они воспринимаются как оскорбления, приобретая отрицательную коннотацию (например, *врачиха, повариха*). Так, известен факт, что А.А. Ахматова и М.И. Цветаева не желали, чтобы в их адрес употребляли слово *поэтесса*, отдавая предпочтение слову «поэт». Рассматриваемая причина непринятия феминитивов обществом подтверждается в исследовании Е.А. Бурдиной, которая выявила, что «практически во всех словарях коррелирующая форма женского рода стилистически окрашена и либо находится на периферии литературного языка, либо выходит за его пределы, либо относится к пассивному запасу» [32. С. 75].

В.В. Беркутова [27] в этой связи говорит о стилистических ограничениях на образование новых слов, существующих в языке, которые заключаются в стилистической несовместимости словообразовательной основы и суффикса. Однако Е.А. Земская утверждает, что стилистические ограничения представляют собой лишь «тенденции сочетаемости-несочетаемости, а не строгие, ненарушаемые законы» [33. С. 207]. Так, наиболее часто оказываются просторечными и уничижительными феминитивы, образованные с помощью стилистически окрашенных суффиксов *-их-* (*врачиха*) и *-ш-* (*блогерша*), а также *-к-* (*авторка*). Однако, как справедливо замечает В.В. Беркутова [27], в современном русском языке существуют стилистически нейтральные феминитивы с данными суффиксами (*ткачиха, секретарша, артистка, спортсменка*), причём для суффикса *-к-* пренебрежительно-уничижительное значение не является основным, а образования феминитивов с его помощью представляет собой устойчивый словообразовательный тип в русском языке.

Во-вторых, исторически многие имена существительные женского рода, образованные от наименований мужского рода по профессии, обозначали женщин как жен мужчин, выполняющих соответствующие роли, т.е. называли женщин по их семейной роли (например, *докторша, профессорша, генеральша*). Также в некоторых случаях от подобных слов мужского рода уже существуют образованные суффиксальным способом слова женского рода, которые обозначают различные предметы (например, *капитанка* – фуражка капитана). Следовательно, при функционировании этих слов как наименований женщин по роду деятельности или образовании новых подобных имён существительных развиваются омонимия и многозначность, которые вызывают сложности с пониманием конкретных значений данных слов и поэтому препятствуют образованию феминитивов-неологизмов. Подобные ограничения на образование новых слов называются лексическими ограничениями. Однако достоверно известно, что многие омонимы и многозначные слова успешно существуют в русском языке в течение очень долгого времени. Поэтому и лексические ограничения, по утверждению В.В. Беркутовой, «не следует рассматривать в качестве абсолютных запретов на образование новых слов» [27].

В-третьих, в русском языке, как и в любом другом, действует принцип экономии речевых усилий, констатируемый многими лингвистами. Он препятствует самому образованию феминитивов (так как возможно употребление слов мужского рода по отношению к женщинам, феминитивы оказываются лишними), а также их употреблению в форме множественного числа при обращении к разнополым группам, что отмечает В.И. Ладыгина [34. С. 484]. При этом исследовательница пишет о том, что в настоящее время в Германии вопреки указанному закону употребительно обращение, которое на русском языке звучало бы так: «Дорогие студенты и студентки». Однако подобные конструкции делают предложения слишком громоздкими, вызывая сложности как для говорящих и пишущих, так и для читающих и слушающих.

В-чвёртых, активной феминизации имен лица мешает инертность словообразовательной системы

русского языка. Именно этот факт в качестве главной причины проблемы введения феминитивов-неологизмов в современный русский литературный язык рассматривает В.А. Кривошеина. Она пишет: «Словообразование как социокультурный процесс претерпевает изменения по мере исторического развития общества и, в полной мере, может быть “барометром” такого развития. Однако оно обладает и явной инерционностью» [25. С. 148]. Ситуация с феминитивами также осложняется тем, что эта «отрасль словообразования претерпевает сильное давление как со стороны консервативных лингвистов и филологов, так и со стороны профеминистских групп» [25. С. 148].

По мнению Е.А. Бурдиной, изменить отношение к феминитивам в российском обществе можно благодаря «особой государственной лингвистической политике и поддержке грамматических преобразований элитарными языковыми личностями» [32. С. 77].

Обратим внимание также на тот факт, что часто от одного существительного мужского рода образуется несколько феминитивов с помощью разных суффиксов. Например, *авторка* – *авторша* – *авторесса*, *блогерка* – *блогерша* – *блогиня*, *докторка* – *докторша* – *докториня* – *доторица*. Какие-то из этих слов входят в язык, а какие-то отвергаются им. При этом «то, какой феминитив примут или не примут члены социума, зависит от ряда факторов: сочетаемости морфем в составе производного слова, наличия в языке модели построения подобных феминитивов, т.е. “привычности” звучания образуемого феминитива для носителей языка, и др.» [35. С. 106–107].

Важно также, что во многих случаях употребление феминитива устраняет «общечеловеческую» составляющую профессии или другой социальной деятельности.

Рассмотрим традицию обозначения лица по творческой или педагогической профессии. Выше мы уже упоминали стремление А. Ахматовой и М. Цветаевой к использованию по отношению к ним слова *поэт*. В интернете регулярно обсуждается эта тема². Профессионального наставника называют *учителем* вне зависимости от пола. Нейтрализация в лексеме мужского рода в силу немаркированного характера этого члена категории позволяет ей выразить «идею» лица в творческой социальной роли безотносительно к полу. Ср., например: *Режиссер* (Лариса Шепитько. – И.К., О.З., Д.И.) снимала кинофильм «Прощание» близ озера Селигер³.

Возможно, полное устранение асимметрии приведет к тому, что общая семантика лица вне половых различий перестанет быть актуальной и перейдет из разряда категориальных в разряд интегральных значений. Однако в настоящий момент употребление феминитива как маркированного члена оппозиции во многих контекстах актуализирует семантику женского пола и часто мешает общечеловеческой, вне половых различий, интерпретации понятия.

Отметим, что практика интернет-коммуникации, наиболее ориентированная на языковые новации и эксперименты, отреагировала на необходимость обозначать лиц вне пола с учетом равноправия полов. За модель выбран способ обозначения реалий с нейтра-

лизацией категории числа, когда автору не важно, речь идет об одной или нескольких реалиях одного вида, например: *корректор(-ы)*. Для гендерно приемлемого обозначения лица используется наименование следующего вида: <Авторка: Арина Гундырева //> **Редактор_ки:** Екатерина Мороко, Киломая </> **Иллюстрации:** Саша Булякова >⁴. Как видим, позиция автора отмечена феминитивом *авторка*, а вот позицию редактора занимают имена двух лиц, гендер которых непонятен. В этом случае корень отделяется от суффикса знаком подчеркивания, который показывает, что речь идет о комплексном обозначении социальной роли. С учетом того, что в посте речь идет о разных гендерных типах наименований (феминитивы, гендергэпы), автор(ка) попытался в одном слове объединить разные гендеры и, соответственно, разный грамматический род для выражения лица вне половых различий.

Важно также отметить, что, как справедливо утверждает В.А. Кривошеина [25], проблема отсутствия равноправия полов не решается суффиксами. По убеждению исследовательницы, для этого «требуются изменения правового поля, информационного контекста, сознания людей» [25. С. 152].

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: несмотря на перечисленные проблемы, за которыми скрываются психологические и идеологические причины неприятия феминитивов-неологизмов, данных слов в русском языке с каждым годом становится больше, они активно используются в интернет-пространстве, журналистских текстах. В связи с этим, по мнению многих исследователей, литературный язык рано или поздно отреагирует на произошедшие изменения.

Практика обозначения лиц женского пола в нетипичной социальной роли: зона риска для феминитива

Представим результат наблюдения за практикой использования существительных со значением преимущественно мужской социальной роли при обозначении лиц женского пола.

В настоящее время в соцсетях и на сайтах журналов довольно часто появляются рассказы или другого рода материалы о том, как женщины овладевают профессиями, традиционно считающимися сугубо или преимущественно мужскими, или уже проявили себя в таких профессиях. В нашей выборке материала отмечены наименования лиц женского пола, относящиеся к мужским профессиям (по мере убывания количества употреблений наименований): водолаз; спасатель; пожарный, капитан (корабля); пилот гоночного автомобиля; ученый (для событий XIX – середины XX в.); авиатехник; матрос; моряк; прокурор; руководитель тушения пожаров и другие (всего 45 профессий).

Рассказы, повествующие о преодолении гендерных стереотипов общества при освоении женщиной мужской профессии, содержат и собственную коллизию преодоления номинативных затруднений при обозначении женщины в сугубо или преимущественно мужской роли.

Большую сложность в таких случаях представляет то, что наименования профессий настолько тесно связываются с мужчинами как носителями этих профессий, что использование феминитива, даже уместного по структурным и стилистическим причинам, чрезвычайно затруднено.

Так, основное название социальной роли пожарного – субстантивированное прилагательное *пожарный*. При кажущейся простоте использования для обозначения пожарного женского пола части парадигмы женского рода мотивирующего прилагательного *пожарная* такая номинация оказывается неприемлемой, в отличие, например, от слов *дежурный/дежурная*, *потерпевший/потерпевшая*. Возможно, это связано и с тем, что *пожарная* используется для замены выражения *пожарная машина*. Очень похожа ситуация и со словом *спасательница*. Несмотря на то, что сочетание суффикса лица *-тель-* и суффикса женского пола *-ниц-* вполне гармонично, феминитив крайне неупотребим. В Национальном корпусе русского языка 14.09.2021 отмечено семь вхождений этого слова, при 1 135 вхождениях для слова *спасатель*. Ср также *водолазка* (есть омонимичное название для предмета одежды); **авиатехничка* или **авиатехница* и т.п.

Для употребления существительных со значением социальной роли лица важным оказывается различение субстантивного (чаще референтного) и предикатного использования. Дело в том, что такие существительные обозначают социальный статус – «типизированную функцию лица в идеальной структуре общества. Эта функция характеризуется набором идеальных же действий и идеальным поведением» [36. С. 139]. Такие имена могут обозначать социальный статус как таковой, роль, которую может исполнять человек. Часто в этом случае существительное оказывается в синтаксической позиции именной части сказуемого. Существительное выступает в предикатном денотативном статусе [37. С. 99]. Чаще всего в качестве связки используется полужнаменательный глагол *работать*, например: *Обидно, что я могу работать водолазом в любой точке мира, даже в Кувейт зовут, но только не на родине, так как здесь это «слишком опасно»⁵; Моя подруга была первой женщиной-добровольцем в России, которая работала свальщиком⁶; часто также используется связка *быть*, например: *Она была руководителем Института мозга человека РАН и исследователем, внесшим громадный вклад в область изучения человеческого мозга⁷; В законе есть одна дыра: женщина в России не может быть пожарным, но может быть руководителем тушения пожара⁸. В этой позиции существительное со значением социального статуса может выступать без связки (нулевая реализация связки *быть*), например: *Джорджия Босколо – единственный венецианский гондольер среди 424 мужчин⁹; В законе есть сноска, что руководитель может взять на работу женщину под свою ответственность. А вот показать ему, что она ценный сотрудник, может только она сама¹⁰*. Используются также связки *стать*, *остаться*, *являться* и др.**

Социальный статус может быть зафиксирован в позиции, тяготеющей к предикатной, с помощью слов

со значением социального статуса или близких по функции, например: *Когда начала работать в «Авиалесоохране», я решила выучиться на руководителя тушения пожаров, чтобы была возможность летать и тушить*¹¹; *Женщины даже занимают пост главы некоторых государств*¹²; *У нас учатся и девочки, их где-то 30 процентов от общей массы. С устройством на работу в Москве у них будут проблемы: взять могут только в аквапарк или бассейн, профессия водолаза для девушек все еще остается запрещенной в России*¹³; *Софья Ковалевская. Первая женщина в мире, которая получила статус профессора, а также первая женщина-учёный в России*¹⁴; *В итоге, вооружившись фотоаппаратом, я 10 лет ездила в опасные командировки с «Авиалесоохраной» и жду отпуск, чтобы отправиться на пожар в качестве добровольца «Гринпис», где принимаю непосредственное участие в тушении пожаров*¹⁵.

Для обозначения профессии в предикатной позиции может использоваться метафора карьеры с разными сферами-источниками: *Свою карьеру она начинала на должности матроса и смогла вырасти до капитана уже к 27 годам*¹⁶; как видим, использована органическая метафора роста. А вот метафора пути: *Путь от матроса до капитана проишла за шесть лет*¹⁷.

Как видим, в позиции предиката и тяготеющей к ней позиции имени статуса в высказываниях, обозначающих события, связанных с лицами женского пола, крайне часто используются существительные мужского рода, поскольку в позиции предиката выступает социальный статус, свободный от реального пола лица.

В позиции сказуемого возможны и глагольные конструкции со значением выполнения социальной роли, например: *Я намерена и дальше заниматься тушением пожаров*¹⁸; *Идея создать школу пришла, еще когда я работала в спасательной службе; Планирую в скором времени брать контракты на водолазные работы по миру, потому что предложения поступают постоянно; Сейчас спасаю людей на аквабайке в Италии*¹⁹; *В 1884 году Ковалевскую пригласили преподавать математику в Стокгольмском университете*²⁰; *Ведь какое-то время назад трудно было себе представить, что представительница слабого пола может руководить корпорацией*²¹.

В субстантивном же употреблении существительных со значением лица в таких высказываниях проблема взаимодействия пола и рода встает очень остро. В этом случае возможны следующие решения:

1) аналитическое выражение, в котором женский пол обозначается словом *женщина* или *девушка*: *Стихия огня: честная история женщины-пожарного; И это смешно и несправедливо: ведь в реальности женщины-лесники, например, тушат пожары*²²; *«Не мешай мужчинам работать»: как уволенная женщина-водолаз уехала спасать людей в Италию; [При устройстве на работу] мне сразу ска-*

*зали, что девушек-спасателей не бывает*²³; *Новость о двадцатисемилетней девушке-капитане моментально разлетелась по всему миру*²⁴; *Начальник техникума, в котором Анна училась морскому делу, отговаривал от поступления, говоря, что испокон веков «баб-моряков» не было*²⁵;

2) гораздо реже встречается сочетание нарицательного имени статуса с женским собственным именем, например: *Добровольный пожарный «Гринписа» Анна Барне – о том, как не просто женщине получить право тушить огонь*²⁶. Связано это с тем, что такое полное наименование лица встречается, как правило, один раз в начале части текста о данном лице.

Возможны и другие способы обойти острую номинативную коллизию. Интересная стратегия наименования в позиции сказуемого применена в следующей фразе: *Там было 16 направлений, в том числе и альпинизм, который преподавали для нас спасатели МЧС. Я познакомилась и подружилась с ними и, когда они рассказывали о своей работе, тоже хотела стать одной из них*²⁷. В данном случае используется конструкция *один из N_{2PI}*, где *один* используется в женском роде для обозначения лица женского пола, а позиция для *N_{2PI}* должна заполняться существительным мужского рода *спасатель (МЧС)*. Важно, что вообще существительное в мужском роде со значением социального статуса в общем случае обозначает лицо вне отношения к полу, а во множественном числе такое существительное может обозначать смешанное множество лиц мужского и женского пола. Вспомним, однако, что существительное *спасатель* обозначает преимущественно мужскую профессию (см. выше) и поэтому сочетание *одна из спасателей* кажется сомнительным. Но автор применяет субститутивную технику – вместо существительного использует в этой позиции местоимение *он*, которое во множественном числе вообще не выражает рода. Таким образом, автору удалось косвенно обозначить лицо женского пола по сугубо мужской профессии в женском роде.

Итак, процесс «феминитивизации» в русском языке происходит, пока в основном в устной речи, в интернет-коммуникации и в научных исследованиях по феминистской лингвистике. В текстах, ориентированных на широкую публику, при обозначении лица женского пола по его профессии автор старается избегать прямых наименований женского рода, прибегая к аналитическим наименованиям, к перемещению имени социального статуса в позицию предиката, к стратегиям «ухода» от коллизии рода и пола в пределах одной номинации. Тем не менее сдвиг в пользу феминитивов заметен. Особенно он касается слов, пришедших в русский язык совсем недавно. В совокупности с удачной словообразовательной моделью именно недавнее появление пары слов *колумнист/колумнистка* позволяет последнему функционировать в русском языке без вкусовых ограничений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: URL: https://zen.yandex.ru/media/velimira_temnaya/ne-nujny-eti-vashi-fepeliativy-ne-uroduite-iazyk-pol-nevajen-krichali-oni-a-potom-ocherednaia-avtoledi-ustroila-dtp-602bf066f499182940830f8f (дата обращения: 21.03.2021).

² URL: <https://zen.yandex.ru/media/badfem/pochemu-ahmatova-ne-liubila-slovo-poetessa-a-seichas-nabiraiut-populiarnost-feminitivy-5d0b6c507fc34f00af9104c3> (дата обращения: 20.12.2020); URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/747095-pochemu-ahmatova-ne-liubila-tak-nazyvaemoj-zhenskoj-poezii-o-ljubvi.html> (дата обращения: 11.06.2021); URL: <https://knigi.mirtesen.ru/blog/43179957130/ZHenschina-poet-Anna-Ahmatova> (дата обращения: 15.06.2021) и др.

- ³ URL: <https://zen.yandex.ru/media/kulturologia/5-znamenitnyh-vdovcovodnoliubov-kotorye-ne-jenilis-posle-poteri-jeny-612b8b754b943d646e0-d592> (дата обращения: 04.09.2021).
- ⁴ URL: https://doxajournal.ru/call_me_by_my_name (дата обращения: 24.08.2021).
- ⁵ URL: https://zen.yandex.ru/media/daily.afisha.ru/ne-meshai-mujchinam-rabotat-kak-uvolennaia-jenscinavodolaz-uehala-spasat-liudei-v-italiiu-6055c28f89855f0fde686181?&disable_feed_under_article=false (дата обращения: 25.03.2021).
- ⁶ URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).
- ⁷ URL: <https://mel.fm/blog/sofia-shchebenkova/13765-oni-izmenili-mir-4-istorii-zhenshchin-v-muzhskikh-professiyakh> (дата обращения: 19.10.2021).
- ⁸ URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).
- ⁹ URL: <https://zen.yandex.ru/media/synergyuniversity/jensciny-vse-chasce-vybiraiut-mujskie-professii-i-naoborot-5fb23db01064d30b6c40de20> (дата обращения: 17.11.2020).
- ¹⁰ URL: https://zen.yandex.ru/media/daily.afisha.ru/ne-meshai-mujchinam-rabotat-kak-uvolennaia-jenscinavodolaz-uehala-spasat-liudei-v-italiiu-6055c28f89855f0fde686181?&disable_feed_under_article=false (дата обращения: 25.03.2021).
- ¹¹ URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).
- ¹² URL: <https://zen.yandex.ru/media/synergyuniversity/jensciny-vse-chasce-vybiraiut-mujskie-professii-i-naoborot-5fb23db01064d30b6c40de20> (дата обращения: 17.11.2020).
- ¹³ URL: https://zen.yandex.ru/media/daily.afisha.ru/ne-meshai-mujchinam-rabotat-kak-uvolennaia-jenscinavodolaz-uehala-spasat-liudei-v-italiiu-6055c28f89855f0fde686181?&disable_feed_under_article=false (дата обращения: 25.03.2021).
- ¹⁴ URL: <https://mel.fm/blog/sofia-shchebenkova/13765-oni-izmenili-mir-4-istorii-zhenshchin-v-muzhskikh-professiyakh> (дата обращения: 19.10.2021).
- ¹⁵ URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).
- ¹⁶ URL: <https://zen.yandex.ru/media/synergyuniversity/jensciny-vse-chasce-vybiraiut-mujskie-professii-i-naoborot-5fb23db01064d30b6c40de20> (дата обращения: 17.11.2020).
- ¹⁷ URL: <https://mel.fm/blog/sofia-shchebenkova/13765-oni-izmenili-mir-4-istorii-zhenshchin-v-muzhskikh-professiyakh> (дата обращения: 19.10.2021).
- ¹⁸ URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).
- ¹⁹ URL: https://zen.yandex.ru/media/daily.afisha.ru/ne-meshai-mujchinam-rabotat-kak-uvolennaia-jenscinavodolaz-uehala-spasat-liudei-v-italiiu-6055c28f89855f0fde686181?&disable_feed_under_article=false (дата обращения: 25.03.2021).
- ²⁰ URL: <https://mel.fm/blog/sofia-shchebenkova/13765-oni-izmenili-mir-4-istorii-zhenshchin-v-muzhskikh-professiyakh> (дата обращения: 19.10.2021).
- ²¹ URL: <https://zen.yandex.ru/media/synergyuniversity/jensciny-vse-chasce-vybiraiut-mujskie-professii-i-naoborot-5fb23db01064d30b6c40de20> (дата обращения: 17.11.2020).
- ²² URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).
- ²³ URL: https://zen.yandex.ru/media/daily.afisha.ru/ne-meshai-mujchinam-rabotat-kak-uvolennaia-jenscinavodolaz-uehala-spasat-liudei-v-italiiu-6055c28f89855f0fde686181?&disable_feed_under_article=false (дата обращения: 25.03.2021).
- ²⁴ URL: <https://mel.fm/blog/sofia-shchebenkova/13765-oni-izmenili-mir-4-istorii-zhenshchin-v-muzhskikh-professiyakh> (дата обращения: 19.10.2021).
- ²⁵ URL: <https://mel.fm/blog/sofia-shchebenkova/13765-oni-izmenili-mir-4-istorii-zhenshchin-v-muzhskikh-professiyakh> (дата обращения: 19.10.2021).
- ²⁶ URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).
- ²⁷ URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // *Язык и наука конца 20 века*. М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 239–320.
2. Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание* : пер. с англ. М. : Рус. словари, 1997. С. 33–88.
3. Червинский П.П. Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические аспекты этносемантики. Тернополь : Крок, 2010. 420 с.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. О связи грамматического рода с мирозерцанием и настроением людей, говорящих языками, различающими род [Лингвистические заметки] («Журнал министерства народного просвещения». Ч. 331. 1900. Октябрь. С. 367–374) // Бодуэн де Куртенэ. *Ученый. Личность* : докл. науч.-практ. конф. «Лингвистическое наследие И.А. Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия». Красноярск, 2000. С. 9–12.
5. Толстая С.М. О семантическом единстве обряда // *Фольклор: проблемы сохранения, изучения, пропаганды*. М., 1988. С. 146–148.
6. Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.
7. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд. М. : Индрик, 1995. 512 с.
8. Дампилова Л.С., Силантьев И.В., Ким И.Е., Кузьмина Е.Н., Шатин Ю.В. Универсалии вербальной культуры: в поисках общего понятия // *Сибирский филологический журнал*. 2020. № 4. С. 9–28. doi: 10.17223/18137083/73/1
9. Тарасов П.П. Причины полового диморфизма у хищных птиц // *Русский орнитологический журнал*. 2012. Т. 21. Экспресс-выпуск 759. С. 1177–1179 (Второе издание. Первая публикация в 1959).
10. Остапенко В.И., Бондаренко Ю.В. Половой диморфизм сельскохозяйственной птицы и его влияние на продуктивность // *Актуальные проблемы интенсивного развития животноводства*. 2017. Вып. 20 (1). С. 77–84.
11. Евтеев А.А. Проблема полового диморфизма в краниологии : автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2008. 26 с.
12. Мамажыпова А.Ж. Женские и мужские личные имена как единицы культурного кода (на материале киргизского языка) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2009. Вып. 557. С. 131–140.
13. Сундуева Е.В. Специфика реализации диады «мужское – женское» в монгольских языках // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2010. № 2. С. 121–126.
14. Jung C.G. *Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewußten*. Darmstadt : Reichl-Verlag, 1928. 207 S.
15. Мукова М.Н. Истоки архетипической оппозиции «Мужчина-женщина» // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2011. № 13. С. 58–60.
16. Кобзев А.И. *Инь – ян* // *Духовная культура Китая: энциклопедия* : в 5 т. / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. М. : Вост. лит., 2006. Т. 1: Философия. С. 271–273.
17. Бусыгина А.Ф. Фундаментальные категории духовной культуры Китая: Тай цзи и Инь-ян // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2018. № 3. С. 84–94.
18. Алпатова Т.А. Оппозиция «Мужское/женское» в художественном мире Н. М. Карамзина // *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*. 2010. № 56. С. 12–15.
19. Митрофанова А.В. Мужчина и женщина в русской философской культуре: «преодоление пола» // *Мужчина и женщина. Диалог или соперничество?* Книга 1. М., 2004. С. 49–76.
20. Виноградов В.В. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)* : учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр. М., 1986. 640 с.
21. *Словарь гендерных терминов* / под ред. А.А. Денисовой. М., 2002. 256 с. URL: <http://www.owl.ru/gender/alphabet.htm> (дата обращения: 22.09.2021).
22. Федотова Т.В., Кулик И.В. Парадигматика и прагматика феминитивов в русском и английском языках // *Евразийский союз ученых*. 2016. № 28-2. С. 67–69.

23. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2005. 48 с.
24. Головина А.Д. Особенности перевода феминитивов с английского и французского языков на русский // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. 2018. С. 171–180.
25. Кривошеина В.А. Феминитивы в современных языковых практиках // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. М., 2019. С. 146–153.
26. Бороздина Е. Феминизм: чем различаются три волны? // Постнаука. 07.03.2016. URL: <https://postnauka.ru/faq/61274> (дата обращения: 22.09.2021).
27. Беркутова В.В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7–26. URL: <https://www.psypart.com/feminitivy-lingvisticheskii-aspekt> (дата обращения: 22.09.2021).
28. Василенко Е.Н. Феминитивы в современном русскоязычном и белорусскоязычном интернет-дискурсе // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – V : сборник научных статей по материалам V Международной научной конференции / под ред. Е.Е. Иванова. 2018. С. 74–78.
29. Челак Е.А. Феминитивы в дискурсе интернет-коммуникации // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 12-2 (78). С. 197–200.
30. Стрельникова Н.Д. К вопросу о феминитивах // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей III Международного симпозиума : в 2 т. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. 2019. С. 294–302.
31. Колесников Н.П. Толковый словарь названий женщин. Более 7 000 единиц. М., 2002. 608 с.
32. Бурдина Е.А. Язык и общество в рамках категории рода: феминитивы в современной ортологии // Филологический аспект : международный научно-практический журнал. 2020. № 6 (62). С. 72–78.
33. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие. М., 2011.
34. Ладыгина В.И. Кому без феминитивов жить хорошо? // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 7 (15). С. 483–485.
35. Крень О.А., Стефановская Е.И. Особенности функционирования феминитивов в поликультурном пространстве // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О.И. Уланович. 2018. С. 105–109.
36. Ермаков С.В., Ким И.Е., Михайлова Т.В., Осетрова Е.В., Суховольский В.Г. Власть в русской языковой и этнической картине мира. М. : Знак, 2004. 408 с.
37. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М. : Наука, 1985. 271 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 сентября 2021 г.

The Grammatical Category of Gender in Russian and the Conceptual and Axiological Row “Masculine – Feminine”: From Ethnosemantics to New Gender Semantics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 48–57.

DOI: 10.17223/15617793/473/7

Olga N. Zyuzina, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: 8olechka@mail.ru

Daria V. Ilina, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dviljina@gmail.com

Igor E. Kim, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kimkim27601@yandex.ru

Keywords: gender of Russian noun; “masculine – feminine” universal of verbal culture; femininity; ethnosemantics.

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, Contract No. 075-15-2019-1884.

The grammatical category of gender is associated with the cultural universal “masculine – feminine”. In modern Russian, changes in this relation occur. The aim of the article is to show these changes on the material of Russian nouns and other expressions of persons that describe their occupation and social status. The cultural universal “masculine – feminine” is a conceptual and axiological row, a binary opposition of concepts. It has a biological basis – sexual dimorphism among animals and people. Correlation between the conceptual opposition “masculine – feminine” and the grammatical gender is partial when referring to names of persons, which, in their turn, appears to be another binary privative opposition, where the marked member of opposition is the feminine. Masculine nouns express general semantics, irrespective to gender. Thus, the gender opposition is asymmetric in respect to social differences between men and women. In modern Russian, the opposition tends to become more symmetrical with a consistent use of feminines. Among young Russian speakers, especially in online communication, there is a trend and even deliberate practice of the consistent use of nouns of feminine gender – feminines – to name women by indicating their occupation or other social status. This practice has two consequences. On the one hand, it leads to a kind of a parity of nominative means of masculine and feminine genders. On the other hand, it tends to destroy the Russian ethno-linguistic feature – asymmetry of the grammatical category of gender. In the literature on the issues of feminines, several limitations in the Russian language system that the consistent use of feminines faces are described: the inertia of the lexical system, stylistic connotations of suffixes with feminine gender meaning, a part of Russian society’s rejection of these words, etc. The analysis of feminines’ usage in mass media texts about women who do predominantly “men’s” work and difficulties of such work revealed the authors’ main strategy. As a rule, authors use nouns of masculine gender in the predicative position (*Ya rabotala pozharnym* ‘I was a fireman’), in phrases with nouns with a general “female” meaning (*zhenshchina-pozharnyy* ‘woman-fireman’), or in phrases with proper names (*pozharnyy “Grinpisa” Anna Barne* ‘Greenpeace fireman Anna Barne’).

REFERENCES

1. Dem'yankov, V.Z. (1995) Dominiruyushchie lingvisticheskie teorii v kontse XX veka [Dominant linguistic theories at the end of the 20th century]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and Science of the Late 20th Century]. Moscow: Institute of Linguistics of RAS. pp. 239–320.
2. Wierzbicka, A. (1997) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Translated from English. Moscow: Rus. slovari. pp. 33–88.

3. Chervinskiy, P.P. (2010) *Fol'klor i etimologiya. Lingvokontseptologicheskie aspekty etnosemantiki* [Folklore and Etymology. Linguoconceptological aspects of ethnosemantics]. Ternopol': Krok.
4. Baudouin de Courtenay, I.A. (2000) O svyazi grammaticheskogo roda s mirosozertsaniem i nastroeniem lyudey, govoryashchikh yazykami, razlichayushchimi rod [Lingvicheskie zametki] ("Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya". Ch. 331. 1900. Okt'yabr'. S. 367–374) [On the connection of grammatical gender with the worldview and mood of people speaking languages that distinguish gender [Linguistic notes] (Journal of the Ministry of Public Education, part 331. 1900. October. pp. 367–374)]. In: Grigor'eva, T.M. (ed.) *Boduen de Kurlene. Uchenyy. Uchitel'. Lichnost'*. [Baudouin de Courtenay. Scholar. Teacher. Person]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 9–12.
5. Tolstaya, S.M. (1988) O semanticheskoy edinstvennosti obryada [On the semantic unity of a rite]. In: *Fol'klor: problemy sokhraneniya, izucheniya, propagandy* [Folklore: Problems of preservation, study, propaganda]. Moscow: GMPI. pp. 146–148.
6. Tolstaya, S.M. (2015) *Obraz mira v tekste i rituale* [The Image of the World in the Text and Ritual]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
7. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. 2nd ed. Moscow: Indrik.
8. Dampilova, L.S. et al. (2020) Universals of verbal culture: in search of a common concept. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 9–28. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/73/1
9. Tarasov, P.P. (2012) The causes of sexual dimorphism in birds of prey. *Russkiy ornitologicheskii zhurnal*. 759 (21). pp. 1177–1179. (In Russian).
10. Ostapenko, V.I. & Bondarenko, Yu.V. (2017) Polovoy dimorfizm sel'skokhozyaystvennoy ptitsy i ego vliyaniye na produktivnost' [Sexual dimorphism of poultry and its effect on productivity]. *Aktual'nye problemy intensivnogo razvitiya zhivotnovodstva*. 20 (1). pp. 77–84.
11. Evteev, A.A. (2008) *Problema polovogo dimorfizma v kraniologii* [The problem of sexual dimorphism in craniology]. Abstract of Biology Cand. Diss. Moscow.
12. Mamazhakypova, A.Zh. (2009) Male and female personal names as units of cultural code (on the material of kyrgyz). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Bulletin of MSLU*. 557. pp. 131–140. (In Russian).
13. Sundueva, E.V. (2010) The specific character of "masculine–feminine" dyad's realization in Altaic languages. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 2. pp. 121–126. (In Russian).
14. Jung, C.G. (1928) *Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewußten*. Darmstadt: Reichl-Verlag.
15. Mukova, M.N. (2011) The origin of the archetypal opposition "man–woman". *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current issues in philology and pedagogical linguistics*. 13. pp. 58–60. (In Russian).
16. Kobzev, A.I. (2006) In' – yan [Yin–Yang]. In: Kobzev, A.I. & Luk'yanov, A.E. (eds) *Dukhovnaya kul'tura Kitaya* [Spiritual Culture of China]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 271–273.
17. Busygina, A.F. (2018) Fundamental'nye kategorii dukhovnoy kul'tury Kitaya: Tay tsi i In'–yan [Fundamental category of spiritual culture of China: Tai Chi and Yin Yang]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University journal*. 3–1. pp. 84–94. (In Russian).
18. Alpatova, T.A. (2010) Oppozitsiya "Muzhskoe/zhenskoe" v khudozhestvennom mire N.M. Karamzina [Opposition "Male/female" in the artistic world of N. M. Karamzin]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo – Vestnik NovSU*. 56. pp. 12–15. (In Russian).
19. Mitrofanova, A.V. (2004) Muzhchina i zhenshchina v russkoy filosofskoy kul'ture: "preodolenie pola" [Man and woman in Russian philosophical culture: "overcoming gender"]. In: Ksenofontova, N.A. (ed.) *Muzhchina i zhenshchina. Dialog ili sopernichestvo?* [Man and Woman. Dialogue or Rivalry?]. Vol. I. Moscow: Institute for African Studies RAS. pp. 49–76.
20. Vinogradov, V.V. (1986) *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language (Grammatical teaching about the word)]. 3d ed. Moscow: Vysshaya shkola.
21. Denisova, A.A. (ed.) (2002) *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of Gender Terms]. Moscow: Inform.-XXI v. [Online] Available from: <http://www.owl.ru/gender/alphabet.htm> (Accessed: 22.09.2021).
22. Fedotova, T.V. & Kulik, I.V. (2016) Paradigmatika i pragmatika feminitivov v russkom i angliyskom yazykakh [Paradigmatics and pragmatics of femininitives in Russian and English languages]. *Evroziyskiy soyuz uchenykh*. 28-2. pp. 67–69.
23. Gritsenko, E.S. (2005) *Yazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera* [Language as a means of constructing gender]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.
24. Golovina, A.D. (2018) [Translation peculiarities of feminine words from the English and French languages into Russian]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* [Topical Issues of Philological Science of the 21st Century]. Proceedings of the 7th International Conference. Pt. 2. Yekaterinburg. 9 February 2018. Yekaterinburg: UMTs-UPI. pp. 171–180. (In Russian).
25. Krivosheina, V.A. (2019) Feminitivy v sovremennykh yazykovykh praktikakh [Femininitives in modern language practices]. In: *Aktual'nye problemy novoy i noveyshey istorii zarubezhnykh stran* [Actual Problems of the New and Modern History of Foreign Countries]. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 146–153.
26. Borozdina, E. (2016) Feminizm: chem razlichayutsya tri volny? [Feminism: what is the difference between the three waves?]. *Postnauka*. [Online] Available from: <https://postnauka.ru/faq/61274> (Accessed: 22.09.2021).
27. Berkutova, V.V. (2019) Feminitivy v russkom yazyke: lingvisticheskiy aspekt. *Filologicheskii aspekt*. 1 (45). pp. 7–26. [Online] Available from: <https://www.psypart.com/feminitivy-lingvisticheskii-aspekt> (Accessed: 22.09.2021). (In Russian).
28. Vasilenko, E.N. (2018) [Femininitives in the modern Russian-speaking and Belarusian-speaking Internet discourse]. *Vostochnoslavyanskii yazyki i literaturnyye v evropeyskom kontekste* [East Slavic Languages and Literatures in the European Context]. Proceedings of the 5th International Conference. Mogilev. 27–28 October 2017. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University. pp. 74–78. (In Russian).
29. Chelak, E.A. (2018) Feminitivy (gender-specific nouns of feminine gender) in Internet communication. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International research journal*. 12-2 (78). pp. 197–200. (In Russian). DOI: 10.23670/IRJ.2018.78.12.079
30. Strel'nikova, N.D. (2019) [On the question of femininitives]. *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [Russian Language in the Multicultural World]. Proceedings of the 3rd International Symposium. Yalta. 08–12 June 2019. Yalta: Arial. pp. 294–302. (In Russian).
31. Kolesnikov, N.P. (2002) *Tolkovyy slovar' nazvaniy zhenshchin. Bolee 7 000 edinit* [Explanatory Dictionary of Women's Names. More than 7,000 units]. Moscow: Astrel': AST.
32. Burdina, E.A. (2020) Language and society within the category of gender: femininitives in modern orthology. *Filologicheskii aspekt*. 6 (62). pp. 72–78. (In Russian).
33. Zemskaya, E.A. (2011) *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian Language. Word formation]. Moscow: Flinta.
34. Ladygina, V.I. (2017) Komu bez feminitivov zhit' khorosho? [Who lives well without femininitives?]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*. 7 (15). pp. 483–485. (In Russian).
35. Kren', O.A. & Stefanovskaya, E.I. (2018) [Femininitives functioning in the multicultural world]. *Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire* [Language Personality and Effective Communication in the Modern Multicultural World]. Proceedings of the 4th International Conference. Minsk. 25–26 October 2018. Minsk: Kolorgrad. pp. 105–109. (In Russian).
36. Ermakov, S.V. et al. (2004) *Vlast' v russkoy yazykovoy i etnicheskoy kartine mira* [Power in the Russian Language and Ethnic Picture of the World]. Moscow: Znack.
37. Paducheva, E.V. (1985) *Vyskazyvaniye i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu* [Utterance and Its Correlation with Reality]. Moscow: Nauka.

Received: 22 September 2021